

ХРИСТИАНЕ, БОГИ, ВЕНКИ И ВОИНСКАЯ СЛУЖБА

ВВЕДЕНИЕ В ТРУД ТЕРТУЛЛИАНА «О ВЕНЦЕ ВОИНА»

ВОПРОС ОТНОШЕНИЯ ХРИСТИАН К МИРУ И всему, что есть в нём — величина постоянная. Этот вопрос присутствует в жизни церкви каждой эпохи по-своему, и никогда не бывает такого, что он снимается с повестки дня. Ведь христиане всегда живут *в мире*, но при этом осознают, что их подлинная идентичность и их призвание — не *от мира* (Ин. 15:19; 17:11, 14-16). Они не принадлежат к институтам этого мира: политические ценности не определяют их жизнь, новые веяния моды не меняют коренным образом их гардероб, витающие в воздухе идеи не искажают их вероучение. Всем своим естеством — душой, разумом и телом — они принадлежат своему Господу и Спасителю, и всей своей жизнью они служат триединому Богу.

Соответственно, каждый раз, когда очередная эпоха выдвигает свои требования или бросает свои вызовы, христиане призваны реагировать на них во свете Божьих заповедей, Священного Писания, церковного предания и исконно христианского мировоззрения.

И время мира, как и время войны, постоянно заставляет нас размышлять о том, как нам следует поступать в той или иной ситуации, что является правильным, и где, в конце концов, добро и истина, а где — зло и ложь. И если мы хотим сделать верный выбор, нам лучше всего обратиться к христианской мудрости прошлых веков. Ведь там можно почерпнуть немало ценных мыслей и увидеть немало замечательных примеров веры, верности, решительности и «практической богословскости», если можно так сказать.

В частности, проблему отношения христианина к светской культуре, воинской службе и языческой религии затрагивает в своём труде «О венце воина» древнехристианский писатель II века Тертуллиан. Полный перевод этого произведения на русский язык сделан впервые и предлагается читателям альманаха «Богомыслие» ниже. Некоторая информация, ключевые факты и наблюдения по тексту и идеям данного трактата содержатся в следующих разделах этой вводной статьи.

АВТОР И ТРАКТАТ

■ Достоверно известно, что автором «О венце воина» является известный африканский апологет христианства Тертуллиан (полное имя Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, лат. *Quintus Septimius Florens Tertullianus*). Он родился около 155–160 гг. в обычной языческой семье в городе Карфагене, на севере Африки.^[1] Данная территория тогда принадлежала Рим-

ской империи и, надо сказать, с юности Тертуллиан проводил жизнь достаточно типичную для римлянина с достатком. Он получил отличное образование, приобретя навыки юриспруденции и риторики, что отразилось на всей его будущей карьере — он занимался юридической практикой и, насколько можно судить, делал это достаточно успешно. Кроме того, умение читать и писать как на греческом, так и на латыни также сослужило ему хорошую пользу. Он вёл обычную — а по христианским меркам разгульную и достаточно аморальную — жизнь культурного гражданина Рима: посещал гладиаторские бои и публичные зрелища, был не чужд сексуальной распущенности и, как минимум номинально, идолопоклонства.

Однако в зрелом возрасте, около 190–195 гг., Тертуллиан обратился в христианство и полностью изменил свой стиль жизни. Он продолжал работать юристом, однако также стал служителем церкви и направил весь свой интеллектуальный и писательский дар на её благо. Его былая распущенность сменилась максимальной верностью христианскому учению и максималистской ригористской этикой. Благодаря своей образованности и своему горячему темпераменту Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан стал одним из самых пылких апологетов христианской веры своего времени. Он настолько стремился оградить церковь от обвинений, лжеучений, ошибок, грехов и всевозможных опасностей, что впал в крайность: его нравственная строгость всё больше

^[1] Биографическая информация о жизни Тертуллиана приводится по следующим исследованиям: Geoffrey D. Dunn, *Tertullian* (London / New York: Routledge, 2004), 3-5; И. Мейендорф, *Введение в святоотеческое*

богословие. Конспекты лекций (М., 1992; репринт: Мн.: Лучи Софии, 2001), 49-51; И. Попов, *Патрология. Конспект лекций* (Тверь: Булат, 2006), 129-130.

походила на суровость, а его богословские взгляды всё больше подпадали под влияние учения секты монтанистов, которые делали акцент на «новых пророчествах» Святого Духа и полной духовной и физической чистоте христианина. Это было своеобразное движение за радикальную святость и «новую» духовность, которое к тому же отличалось склонностью к односторонней и резкой критике официальной церкви.

Тертуллиан перенял у монтанистов их убеждения и около 207–208 гг. присоединился к их секте. При этом не вполне ясно, насколько Тертуллиан, как и всё монтанистское движение, порывал с вселенской церковью. Однако совершенно точно, что он продолжал считать себя подлинным христианином и писать богословские и этические труды вплоть до своей смерти около 220 г.

После себя он оставил более тридцати книг и трактатов. Среди них обычно выделяют (i) богословско-апологетические, в которых он объясняет и обосновывает истины христианского вероучения («Апология», «О молитве» и др.), (ii) богословско-полемические, с помощью которых он старается опровергнуть еретические учения и, опять-таки обосновать верные по его мнению взгляды на тот или иной вопрос («Опровержение еретиков», «Против Праксея», «Против Маркиона», «О крещении» и др.), и (iii) моральные или практические, затрагивающие по большей части

^[2] Данные о тексте, вариациях его названия и подписей, а также другую подобную информацию можно найти на веб-странице: Roger Pearse, *De corona militis (On the military garland)*, The Tertullian Project, http://www.tertullian.org/works/de_corona.htm (accessed 19.11.2014).

вопросы поведения или принципов жизни христиан в этом мире («О зрелищах», «Об идолопоклонстве», «Об одежде женщин», «О посте» и др.).

Сочинение «О венце воина» относится к последнему типу произведений. И хотя оно написано уже в «монтанистский период» жизни Тертуллиана, оно не содержит в себе каких-либо откровенно неортодоксальных идей. Африканский апологет написал его около 211 г. в связи с практическими вопросами, которые возникли у христиан после того, как некий верующий во Христа воин отказался надеть на голову предписанный уставом лавровый венок, а затем сдал оружие и был отправлен под трибунал. Этот случай заставил многих задуматься о том, что значит жить бок о бок с язычниками и в то же время хранить верность Христу; как можно быть воином и вместе с тем верующим человеком; каким образом допустимо участвовать в общественных религиозно-культурных мероприятиях и твёрдо хранить свою христианскую идентичность. На все эти вопросы Тертуллиан и постарался ответить в книге о венках и богах, как её можно было бы назвать.

ТЕКСТ, СТИЛЬ И ПЕРЕВОД

■ Текст книги «О венце воина» дошёл до нас благодаря нескольким манускриптам, входящим в два кодекса:^[2] Агобардский, из личной коллекции некогда епископа Лионского Агобарда, относящийся к IX в. (*Codex Agobardinus*, Paris, Bibliothèque Nationale, Ms. Latin 1622) и более поздний Клунийский (*Corpus Cluniacense*), лучшие копии которого относятся к XV в. Этот трактат был изначально написан по латыни и в таком виде был известен своим читателям.

Впервые в эпоху современности он был представлен широкой аудитории в издании собрания сочинений латинских отцов церкви (*Patrologia Latina*) под редакцией Жак-Поля Минья (Migne) в 1844 г.^[3] Эта версия послужила одной из двух версий первоисточника, использовавшихся для предлагаемого перевода. Она является более старой и менее отредактированной версией. В то же время она снабжена указанием библейских ссылок (которые сохранены и в русском переводе), к которым прибегает Тертуллиан. А кроме того, в некоторых случаях предлагаемая в ней разбивка предложений и другие текстологические решения представляются более логичными и авторитетными.

Второй же использованной версией является более свежее критическое издание латинского текста «О венце воина» под редакцией Жака Фонтэна (Fontaine) в 1966 г. Эта версия является более доработанной и откорректированной. В ней исправлен ряд ошибок и опечаток текста Минья, предлагаются часто более оправданные синтаксические правки, хотя и не всегда они кажутся обязательными. Поэтому для перевода оба текста регулярно сравнивались и, в итоге, принимались решения в пользу одного или другого чтения. Однако, в целом, наличие двух версий текста оригинала только поспособствовало подготовке качественного русского перевода этого произведения.

[3] Quintus Septimius Florens Tertullianus, *De corona*, in vol. 2 of *Patrologia Latina*, ed. J.-P. Migne (MPL), http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0160-0220_Tertullianus_De_Corona_MLT.pdf.html (accessed 07.10.2014), 73-102B.

[4] Tertullian, *The Chaplet, or De Corona*, in *Latin Christianity: Its Founder, Tertullian*, vol. 3 of *The Ante-Nicene Fathers: Translations of the*

Кроме того, имеется несколько полных переводов Тертуллиановой книги о венках, воинах и христианах на разные языки. В частности, можно обратиться к замечательному англоязычному изданию сочинений доникейских отцов церкви под редакцией Александра Робертса (Roberts) и Джеймса Дональдсона (Donaldson) — *The Ante-Nicene Fathers: Translations of the Writings of the Fathers down to A.D. 325*, куда включено и произведение «О венце».^[4] Также можно воспользоваться французскими переводами М. Шарпонтье (Charpentier)^[5] и Э.-А. де Генуда (Genoude),^[6] которые были сделаны в XIX веке и до сих пор остаются примером высококачественной работы с текстом. Все эти (и другие) переводы могут сослужить службу тому, кто хочет более глубоко и разносторонне понять текст Тертуллиана.

Впрочем, есть надежда, что представленный ниже русский перевод будет хорошим подспорьем отечественным исследователям Тертуллиана. Ведь, хотя на русском языке и существуют фрагментарные переводы отрывков из этого трактата, разбросанные по разным книгам и статьям,^[7] полноценного перевода всего труда до сих пор сделано не было. Теперь русскоязычному читателю предоставляется возможность соприкоснуться с идеями Тертуллиана о пацифизме и других вопросах христианской этики при непосредственном чтении его достаточно известной работы. Однако

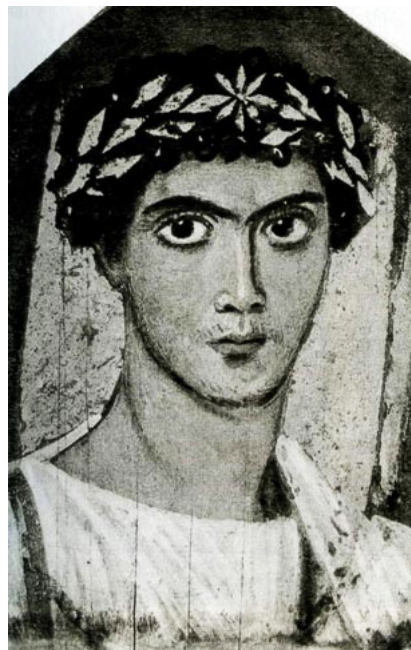
Writings of the Fathers down to A.D. 325, ed. A. Roberts and J. Donaldson (Edinburgh: T&T Clark, n.d.; repr. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans, 1989), 93-103.

[5] Tertullien, *De la Couronne du Soldat*, ed. M. Charpentier, <http://www.tertullian.org/french/delacouronne.htm> (accessed 11.11.2014); http://jesusmarie.free.fr/tertullien_de_la_couronne_du_soldat.htm (accessed 11.11.2014).

следует отметить некоторые технические нюансы публикации этого древнего текста.

Весь трактат Тертуллиана разделён на пятнадцать глав (*capita*), которые обозначены римскими цифрами (I, II... XV), как это принято у Миня и встречается в подавляющем числе переводов. Это традиционное деление книги «О венце»: его можно видеть во всех опубликованных версиях данной работы. Также главы дополнительно разделены на подразделы или параграфы, выделенные по смысловому, синтаксическому или другим принципам Фонтэнном и обозначенные арабскими цифрами в квадратных скобках ([1],[3]...[10]). Это уже вторичное деление, которое является дополнительным и обеспечивает более удобное чтение и последующее цитирование источника, которое следует делать по принципу «работа, глава, параграф». Например, *О венце*, VI, 6, а также *De corona*, III, 1 или *De cor.* XI, 7).

Кроме всего прочего русский перевод снабжён некоторыми дополнительными примечаниями. Части текста, приводимые в квадратных скобках («краснея от [павшего] на неё позора»; «в День же Господень [т.е. воскресенье]»; и т.д.) обозначают вставки на русском языке, которые либо проясняют смысл текста, либо просто приводят слова и обороты, использования которых требуют грамматические или стилистические правила русского языка. Также иногда в круглых скоб-

Древний Рим (половина II века). На коротко остриженных волосах юноши лавровый венок — с древнейших времен символ победы и славы. (Музей им. Пушкина, Москва).

ках приводится латинское слово или оборот, которые стоят за тем или иным фрагментом перевода («стиль одежды (*habitus*)»; «никакого принуждения (*necessitates*)»; и т.д.). Это делается для того, чтобы читатели, знакомые с латинским языком могли лучше прочувствовать лексические нюансы текста и понять выбор переводчика в некоторых случаях, а те, кто латынью не владеет, могли просто познакомиться с её крупными и, возможно, вдохновиться на её изучение.

Также в круглых скобках даются указания на библейские отрывки, прямо цитируемые или пересказываемые

[6] Tertullien, *De la couronne du soldat*, trad. E.-A. de Genoude, http://www.tertullian.org/french/g2_04_de_corona_militis.htm (accessed 11.11.2014).

[7] Например, см. Олег Бородин, «Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики (формирование христи-

анского пацифизма)», в *Византийские очерки* (М.: Индрик, 1996), <http://krotov.info/history/04/alytov/borodin.htm> (дата доступа 1.11.2014); Гуго Гроций, *О праве войны и мира*, http://www.kursach.com/biblio/0001002/102_3.htm (дата доступа 15.10.2014); и др.

Тертуллианом («Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется» (Ин 16:20)»; «у тебя есть апостольское повеление выходить замуж в Господе (1 Кор 7:39)»; и т.д.). Фонтэн не включил их в свою редакцию текста, в то время как в более ранней публикации Миня они были. Впрочем, в некоторых случаях указания последнего были некорректными, а в иных — излишними. Поэтому в русском переводе приведены только библейские тексты, на которые прямо или косвенно указывает сам автор произведения. Те, которые он только подразумевает или на которые делает туманные аллюзии, — насколько мы можем об этом судить, — оставлены за скобками в прямом и переносном смысле.

Наконец, периодически в переводе даются внутритекстовые ссылки с пояснениями внизу страницы. Такой подход необходим для более детального прояснения отдельных — и зачастую важных — аспектов и оттенков текста, таких как игра слов или использование автором специфического слова, имени собственного или идеи. Всё это сделано для удобства читателя и более полного раскрытия смысла переводимого богословского трактата видного юриста и теолога патристической эпохи.

Причём, без труда можно заметить, что в плане стиля, ориентации и направления развития мысли трактат «О венце воине» является достаточно типичным трудом Тертуллиана. Его тон здесь, как и в других произведениях, — «резкий, страстный, полемический».^[81] Периодически встречаются и саркастические нотки (особенно, когда он пишет о своих оппонентах),

и патетические выражения (особенно, когда он пишет о сохранившем верность Господу воине-христианине или других героях веры и Библии), и яркие примеры игры словами (например, когда он пишет о «природном законе» и «законодательной природе» или использует специфические многозначные слова вроде существительного *virga*, которое может обозначать как ликторский пучок прутьев, т.е. символ Рима, так и просто ветвь или побег, включая побег из корня Иисусова, т.е. символ Мессии Иисуса). Все эти приёмы он использует для усиления аргументации или увеличения «громкости» своих доводов. То есть, делая так, он являет себя нам действительно хорошим ритором и ярким писателем.

Также, разумеется, нельзя не заметить оттенка юридической лексики, к которой периодически обращается Тертуллиан. Он то ведёт речь о «предоставлении достаточного количества доказательств», то ссылается на некое «законное основание», то упоминает определённое «свидетельство». Один раз он даже использует очень интересное слово *retorqueo*, которое на русский можно перевести как «обращать что-либо в противоположную сторону», включая возможность обращения доводов своего противника против него самого. И, опять-таки, встречаясь с этой словесной картиной, мы видим Тертуллиана таким, каким он и был: страстным ритором и вместе с тем несколько хладнокровным и вдумчивым юристом. Свои навыки и таланты он обратил на пользу христианства, и его духовно-интеллектуальные усилия явно не пропали даром — мы и в XXI в. можем по-прежнему с ними считаться и использовать их плоды.

^[81] Мейендорф, *Введение в святоотеческое богословие*, 49.

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

■ Если говорить об идейном наполнении представляемой работы Тертуллиана, то следует сказать, что она касается по сути трёх тем: (i) конкретно практики ношения венков и идолопоклонства, связанных со службой в римской армии, (ii) общих принципов христианского поведения в нехристианском мире и (iii) темы приемлемости воинской службы для христиан. Их стоит кратко рассмотреть и проанализировать для более лёгкого восприятия текста африканского мыслителя.

Христианин и вопрос о ношении венков

■ Написать трактат о христианском восприятии традиции ношения венков по долгу воинской службы, Тертуллиана побудил конкретный реальный случай из жизни церкви и государства той эпохи. Он был связан со следующим вопросом: стоит ли христианам, служащим воинами в римской армии, носить на голове венки, которые им полагается надевать во время особых торжественных мероприятий? Причину такой постановки проблемы и ответ апологета III века хорошо описывает и суммирует в своей работе О. Бородин:

...Произведение написано в связи с конкретным случаем, происшедшим в 211 г. В связи с воцарением новых императоров Каракаллы и Геты, воинам римской армии были розданы подарки. Получить их воины должны были, имея на головах лавровые венки. Однако один из воинов подошел за подарком, неся венок не на голове, а в руке. Будучи

спрошен о причинах своего поведения, он ответил, что является христианином. В венке же, по-видимому, воин видел языческий символ. Воина привели для объяснений к префекту, где он подтвердил, что верует в Христа, после чего бросил на землю венок и меч и сорвал с себя форменную одежду. Воин был арестован, и, по всей вероятности, казнен. Его поступок вызвал в среде христиан многочисленные споры, в которые и вмешался Тертуллиан.

Апологет утверждает, что воин поступил совершенно правильно. Прежде всего, ношение воинского венка недопустимо для христианина, потому что венок является символом языческих божеств: Аполлона и Бахуса. Затем, надевание венка при получении подарка от государя есть знак поклонения ему, то есть служение идолу, да вдобавок еще и за деньги. Таким образом, воин не просто был прав, отказавшись надеть венок, но, в сущности, оказался единственным настоящим христианином во всем римском войске.

...Он однозначно осуждает, однако, тех христиан, что сами поступают на службу. Они присягнули Богу, а ныне вынуждены присягать императору. Они обязуются любить императора больше, чем отца и мать, а эта честь принадлежит лишь Господу. Они обязаны чтить римскую военную символику, получать награды из рук язычников, охранять языческие храмы, а это не пристало христианину. Наконец, кто-то из них может получить повышение по службе, а ведь если рядовые воины лишь присутствуют при языческих богослужениях, то командиры непосредственно участвуют в священнодействиях.^[9]

Т. е. для Тертуллиана вопрос ношения венков и участия в некоторых воен-

^[9] Бородин, «Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики».

ных мероприятиях становится вопросом выбора между верностью Богу и впадением в самое настоящее идолопоклонство. Ведь армия Римской империи — это армия языческого государства: в ту эпоху не существовало разделения государства и религии, как не было и понятия свободы совести в её современном виде. Языческий

Монета, с изображением цезаря Августа, с лавровым венкам на голове (Британский музей).

пантеон, культ императора, государственные — они же в той или иной степени часто языческие — праздники, нормы поведения и принадлежность какому-либо сословию или профессии объединялись в рамках некоего единого римского стиля жизни. А этот стиль был прочно связан с различными сторонами идолопоклонства: император воспринимался как «спаситель» людей Рима и полубожественный (в плане авторитета и чести, а не в плане сущности) человек, во имя которого нужно было воскурять фимиам; праздники — как военные, так и гражданские — подразумевали почитание и восхваление каких-нибудь богов; присяги и обеты чаще всего произносились во имя этих же богов и т.д., и т.п.

Таким образом, даже необходимость надеть венок, обусловленная тради-

циями римской цивилизации, при более глубоком анализе оказывается требованием не культуры (в современном смысле слова), а именно *культы* — и *культы* нехристианского. Ведь по легенде венки происходят от греческих богов, которые их придумали и стали носить как элемент одежды. А надеваются эти венки, как правило, по случаю каких-либо сугубо языческих празднеств. Следовательно, если человек надевает такой головной убор, он косвенно заявляет о своей лояльности к его создателям, «продвигателям» и контексту, из которого он происходит. То есть, возложение венка равносильно участию в языческом мероприятии, в признании тех лжебогов, которые вроде бы его придумали и которым он совершенно точно посвящён, и того жизненного уклада, который за этим стоит. Но это и есть идолопоклонство, так как лжебог — это идол, а римский стиль жизнь — языческий по своей сути. Вот как эту идею древнего апологета суммирует А. Пантелеев:

Тертуллиан упрекает его [т.е. этого воина] однополчан-христиан в том, что они не смогли последовать его примеру, они «служат двум господам», и он называет их «христианами, увенчанными лаврами». ... Тертуллиан показывает, что, на первый взгляд, безобидный венок является не данью традиции или дисциплине, но формой идолопоклонства. В целом, аргументация Тертуллиана вполне совпадает с тем, что говорит по поводу венков Климент Александрийский (*Paed.*, II, 8). Во-первых, в Писании нигде нет разрешения носить венки (*De cor.*, 2), а во-вторых, это — против природы (*contra naturam*). Ведь цветами наслаждаются либо любуясь ими, либо вдыхая их аромат. В том слу-

чае, когда венки находятся на голове, очевидно, ни то, ни другое невозможно, и такое украшение осуждается и Богом, и языческой философией (*De cor.*, 5).

Затем, Тертуллиан показывает связь венков с языческим культом. Венки носили Пандора, Геракл, Аполлон, Вакх, Осирис. ... Всё это делает ношение венка запретным для христианина.^[10]

Соответственно, христианин должен отвергнуть эту практику и вообще стараться избегать любого, даже самого малого, идолопоклонства. Ведь Божьи люди должны хранить полную верность своему Господу и Учителю. Он не приемлет компромиссов и призывает Свой народ быть святым (Лев. 11:44-45; 1 Пет. 1:15-16), совершенным (Мф. 5:48) и непорочным (2 Пет. 3:14; Еф. 1:4). Поэтому от христиан требуется максимальная чистота и полная верность никому, кроме Троицаго Бога, а ношение языческого венка равносильно тяжкому греху отступления от Бога. Следовательно, воинские и любые другие венцы, которые принято носить у греков и римлян, полностью неприемлемы для христиан.

Христианин и вопросы поведения

■ Конечно, этот вопрос лучше было бы назвать принципами христианского подхода к жизни в обществе вообще, но слово «поведение» хорошо передаёт практическую направлен-

ность наблюдений и предписаний Тертуллиана в его трактате «О венце воина». И его следует рассматривать в рамках всё той же дискуссии об идолопоклонстве и христианской этике, которая упоминалась в предыдущем подразделе.

Во-первых, Тертуллиан осуждает двуличие и попытки некоторых христиан подстраиваться под культуру эпохи и страны, в которых они живут. Конечно, он имеет в виду не сугубо культурные вещи вроде стиля одежды или принятых норм вежливости – всё это он наверняка счёл бы вполне нормальным. Но, как уже было сказано выше, все аспекты культуры, которые так или иначе связаны с нехристианскими религиозными учениями и практиками, должны отвергаться. Их не следует одобрять или даже снисходительно принимать, так как такое поведение подразумевает этику компромисса, а не бескомпромиссное следование Божьей истине и верность Его правилам. Поклоняться можно только Богу, а с идолами – будь-то культ императора или, быть может (применимо к современности), культ денег, славы, секса или «гламура» – не следует иметь ничего общего. Христианин должен быть максимально далёк от лжебогов и максимально близок к истинному Богу, и третьего не дано. «Служи Богу так, чтобы то, что принадлежит Ему осталось незапятнанным» (*Serva Deo rem suam intaminatam*), – пишет Тертуллиан.

Во-вторых, в данном труде говорится о том, что к спорным вопросам этики

[10] А.Д. Пантелеев, «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана», в *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Выпуск 3*, ред. Э.Д. Фролов (СПб, 2004), <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2004/pant.htm> (дата

доступа 1.12.2014), 426-427; также доступно как: *Христиане и римская армия (II-III вв.)*, <http://www.xlegio.ru/culturology/christians-and-the-roman-army-ad2-3/> (дата доступа 15.10.2014).

необходимо подходить вдумчиво, трезво и аккуратно. Нельзя спешить что-либо полностью принимать или полностью отвергать. Прежде чем одобрять или осуждать, надо порассуждать, используя здравый смысл (*sensus*), Писание (*scripturae*), христианское учение (*traditio, doctrina*) и, при необходимости, природу (*natura*). Сам Тертуллиан продвигается именно этим путём и рекомендует его другим.

точно спорный (в то время) вопрос. И, быть может, этим же подходом стоит пользоваться и сегодня.

В-третьих, африканский мыслитель советует христианам избегать участия в любых мероприятиях и практиках, которые либо являются спорными, либо прямо ведут к какому-либо греху. Он пишет: «Представь себе лесную чашу и задумайся, сколько там может

Христианин должен быть человеком, умеющим принимать решения с Богом и перед Богом, даже когда нет чётких «инструкций» и недвусмысленных правил. Такова цена христианской свободы и величие христианской духовности.

По его логике истинное учение или полезная практика должна обосновываться либо текстами Библии, либо имеющимся древним Преданием церкви, а также находить поддержку со стороны природного порядка вещей и последовательного размышления над волнующим человека вопросом. В случае с венками, практика их ношения не находит поддержки ни в Писании, ни в Предании, ни в природе и, в общем-то, её не выведешь и не обоснуешь рационально (поэтому-то её и необходимо отвергнуть!). По этому поводу Тертуллиан даже саркастически — и несколько поэтически — замечает: «В самом деле, не так трудно дойти до злоупотребления, когда истина выходит из употребления, и перестаёт функционировать естественная способность к здоровому размышлению» (*Nulla vero distantia est abutendi, cum veritas cessat utendi, cessante natura sentiendi*). Следовательно, на этом примере видно, что трезвый и вдумчивый подход помогает дать чёткий и ясный ответ на доста-

скрываться терновых кустов». То есть, не следует идти в такую чашу, где нас поджидают колючки да пеньки. Если точно знаешь, что здесь или там таится опасность для духовного здоровья или благочестия, идти туда незачем. Например, как подмечает Тертуллиан, традиционное ежегодное приношение обетов верности императору и Риму подразумевает обещание верности иным богам вместо истинного живого Бога, а, следовательно, это идентично отречению от Христа. Точно также любое торжество, в котором принимают участие толпы людей (преимущественно неверующих), очень легко может превратиться в форменную вакханалию с массой злоупотреблений и грехов. Это так, потому что «разнузданность стремится поглотить всякое общенародное торжество». Следовательно, христиане не должны участвовать во всех этих мероприятиях и практиках. К подобного рода феноменам относится и служба в армии, однако о ней следует поговорить отдельно.

Наконец, в-четвёртых, христианин призван с почтением и уважением относиться к христианским традициям. Какие-то из них обоснованы Писанием, какие-то — Преданием, однако в любом случае, они являются не какими-то языческими практиками или идеями неизвестного происхождения. В большинстве своём их корни — в мышлении и поведении христиан предыдущих поколений, и это наследие следует беречь. Форма и содержание крещальных исповеданий и обетов, благоговейное и вдумчивое принятие Вечери Господней, регулярность и опять-таки форма молитв, включая также крестное знамение и т.д., посты и праздники — всё это чисто христианские обычаи. Они суть подлинная альтернатива языческому образу жизни с его правилами, формами и торжествами, причём гораздо более полезная и богоугодная альтернатива. Христианские обычаи символизируют и даже дарят подлинную радость, свободу и духовность, которой не найти вне церкви, и в этом их ценность. Тертуллиан говорит каждому своему читателю-христианину: «Твоё сословие и магистрат, и само название места собраний — Церковь Христа. Ты принадлежишь Ему, будучи записан в книгу жизни». В этом основа христианской альтернативы всем светским и языческим «стилям жизни».

Христианин и вопрос о воинской службе

■ Что же касается военной службы, то итоговый вердикт Тертуллиана прост: «В лучшем случае считай, что заниматься военным делом позволи-

^[11] Пантелеев, «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана», 422.

тельно, но только пока не дойдёт до необходимости ношения венка» (*Putamen licere militiam usque ad causam coronae*). Однако на самом деле он предлагает массу более глубоких мыслей о различных нюансах, связанных с темой службы в армии, и его мнение более тонко и специфично, чем можно предположить на основании одной приведённой фразы.

В первую очередь, уже с первых строк трактата о воинских венках становится понятно, что Тертуллиан воспринимал как неопровержимый факт то, что в его время немало христиан служило в римской армии. В своём более раннем труде — известной «Апологии» — он указывает на «неуклонное возрастание числа верующих» воинов, так что «христиане наполняют “и сами ваши лагеря» (*et vestra castra ipsa*) (*Apol.*, 37)».^[11] И сам этот факт у него поначалу не вызывает возмущения. Он нормально воспринимает то, что некоторые христиане несут воинскую службу, однако он обеспокоен тем, как они это делают и что именно они делают.

Так, в разделах 1, 11 и 12 он явно подчёркивает связь армии с идолопоклонством (о чём уже было сказано). Как верно замечает в своей статье А. Пантелеев,

Дело в том, что все, связанное с армией — от присяги и устройства лагеря до ритуалов, совершающихся до и после сражений — связано с религиозно-культурной практикой, зачастую уходящей корнями в седую древность. Для самих римлян эта связь была очевидна. ... Армии был свойственен особый тип религиозности, который сам Тертуллиан метко назвал *religio castrensis* (*Apol.*, 16). Особое место он отводил поклонению военным знамёнам:

«Военные обожествляют знамёна, клянутся знамёнами, предпочитают их самому Юпитеру» (*Ad nat.*, I, 12). Конечно, единой армейской, как и единой римской религии, не существовало: круг почитаемых божеств варьировался от региона к региону, но определенное единство обеспечивалось стандартным религиозно-праздничным календарем.^[12]

Тертуллиан призывает – всеми способами, всегда и во всех обстоятельствах хранить верность только одному Богу, только одной истинной церкви Христа и только одному христианскому вероучению.

Однако кроме этого, африканский апологет христианства указывает и на другие проблемы, встающие перед воином-христианином. В частности, это проблема присяги или клятвы верности: во время таинства крещения христианин обещает служить своей доброй совестью и всей жизнью Богу, однако во время принесения воинской присяги этот обет компрометируется или, вернее, как бы вытесняется или подвигается другим. И здесь, с одной стороны, Тертуллиан

критикует само явление присяги, которая считалась в некотором смысле священной^[13] и обозначалась словом *sacramentum*, что в христианской литургической и богословской традиции совпадало с понятием таинства. С другой же стороны, его совершенно точно «не устраивает и содержание присяги императору»,^[14] которое указывает на иного, человеческого господина и требует абсолютной верности именно ему и никому другому. Он задаёт вопросы: «Разве мы верим, что к богоугодному обещанию позволительно добавлять человеческую присягу на верность (*humanum sacramentum divino superduci licere*)^[15] и тем самым слушаться второго господина кроме Христа? А также клятвенно отречься (*ejerare*) от отца и матери, и всех близких, которых даже закон предписывает чтить и любить во вторую очередь после Бога?» Таким образом, Тертуллиан видит проблему в клятвенном обещании служить кому-либо кроме Бога, включая императора и Рим. В его понимании присягать на верность можно только Господу.

Далее трактат предлагает вполне стандартный пацифистский аргумент против вовлечённости в военное дело: христианство – это религия любви, исповедникам которой не полагается воздавать злом за зло и применять

[12] Пантелеев, «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана», 423-424.

[13] Там же, 424.

[14] Бородин, «Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики».

[15] Здесь Тертуллиан играет со словом *sacramentum*, что в обыденной жизни обозначало клятву или обещание, в военной среде значило *обязательство о несении военной службы*, т.е. *воинскую присягу* на верность императору, в юридической среде – *денежный залог*, а в христианской терминологии – *таинство* в широком смысле и

крещальные обеты в узком. Таким образом, он противопоставляет обещание Богу обещанию человеку, присягу на верность Богу и присягу на верность императору, светское псевдо-таинство и подлинное божественное таинство. В его терминологии это звучит как «таинство человеческое» (лат. *sacramentum humanum*) и «таинство божественное» (лат. *sacramentum divinum*). И хотя во втором случае слово «*sacramentum*» в оригинальном тексте опущено, оно при этом безусловно подразумевается.

насилие к другим людям. «Допустимо ли вести жизнь меченосца (*in gladio conversari*), в то время как Бог возвещает, что тот, кто воспользуется мечом, от меча и погибнет? И может ли сын мира участвовать в битве, если ему не положено [даже] ссориться?». Эта точка зрения — акцент на *приемлемость исключительно ненасильственного противления злу и полную неприемлемость насильственных действий* для христиан — отражён также и в других произведениях Тертуллиана (*О терпении, Против Маркиона*).^[16]

Однако не во всех этих текстах речь идёт о насилии в рамках военных конфликтов — чаще всего анализируется проблема межличностного, а не политического, эмоционального или иного насилия. Впрочем, Тертуллиан доходит и до вопросов военной службы и в частности подмечает, что если христиане являются послушными овцами, следующими за Иисусом, то им не пристало быть агрессивными воинами. В работе *Против Маркиона* (Книга 4, глава 39) он говорит:

«И спасёт их Господь в тот день, словно овец, народ Свой... Никто не называет овцами тех, которые гибнут во всеоружии на войне, сами сражающиеся с такой же дикостью; но так называют тех, которые умерщвляются каждый на своем месте, полные терпения, скорее предавая себя на мучения, чем мстя за себя».^[17]

Таким образом, можно сказать, что и в «О венце воина», и в других произведениях Тертуллиан критично высказывается о любых проявлениях насилия и поэтому не понимает, как

христианин может быть солдатом, который по определению пытается, ранит и убивает: как «он будет ввергать в узы и в тюрьму, пытать и приводить в действия наказания, когда он не [должен] сам мстить за нанесённые ему обиды?».

Также этот пламенный поборник чистоты веры и жизни добавляет ещё одно соображение: «христиане, став воинами, общаются с лавочниками, карманниками, банными ворами, мошенниками и сводниками».^[18] Ему откровенно не нравится идея участия христианина в различных лагерных (или казарменных) мероприятиях, включающие походы в таверны, игры, различные аморальные действия и, в конце концов, неприятое у христиан погребальное сожжение тела умершего воина. Прямо об этом он заявляет в труде «О бегстве во время гонения» (*De fuga*, 13), а косвенно на это указывает и в «О венце»:

И будет ли он... обедать там, где неуютно апостолу? И будет ли защищать по ночам тех [демонов], кого днём изгонял с помощью молитв (*interdiu exorcismis fugavit*), и засыпать, опираясь на копьё, которым был пронзён бок Христа? ... Когда же он умрёт, будет ли потревожен трубой горниста тот, кто ожидает, что будет разбужен трубой ангельской? И будет ли предан огню согласно воинскому обычаю (*ex disciplina castrensi*) [умерший] христианин, тот, кому [и живому] не разрешалось возжигать [жертвоприношения], и ради кого Христос принял на себя огненное наказание? Сколь же много иных обязанностей, связанных с воинской

^[16] См. *Тертуллиан о непротивлении злу насилем*, <http://christianpacifism.org/2014/08/04/early-church-and-nonresistance/> (дата доступа 1.12.2014).

^[17] Там же.

^[18] Пантелеев, «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана», 423.

службой, которые можно счесть за правонарушения, следует признать преступлениями (*transgressioni*) [с точки зрения христианина]?

Т.е. сам образ жизни воина той эпохи кажется Тертуллиану этически неприемлемым для христианина. Но каков же тогда вердикт этого мыслителя о службе в армии?

signata) следует либо немедленно оставить [военное дело], как многие и сделали, либо [продолжая им дальше заниматься] всеми возможными способами изворачиваться (*omnibus modis cavillandum*), чтобы не совершить что-либо противное Богу, ...либо, наконец, стоит ради Бога твёрдо сносить (*perpetiendum*) то, что беспристрастно назначила

Насилие само по себе — независимо от того, связано оно с военным делом или нет — по убеждению Тертуллиана чуждо для христиан, и поэтому оно должно быть отвергнуто в любой форме. Соответственно, быть воином, т.е. по определению человеком сражающимся и применяющим силу против других людей, для христианина неприемлемо.

После серии риторических вопросов Тертуллиан предлагает несколько утверждений и даже повелений. Во-первых, он говорит, что «переносить (*deferre*) само почётное имя [христианина] из крепости света в крепость тьмы является преступлением (*transgressionis est*)», т. е. крещёному христианину не следует становиться воином. Во-вторых, он соглашается, что есть люди, которые становятся христианами, уже будучи профессиональными военными, и в их случае есть три варианта развития событий: либо немедленная отставка, либо отказ от отставки и полная «боевая» готовность пострадать за Христа за верную службу Богу, а не цезарю (что и произошло с тем воином, о котором пишет Тертуллиан), либо продолжение военной карьеры, сопряжённое с постоянными попытками не впасть в тот или иной грех, которые часто имеют место в жизни римских воинов.

«...После принятия веры и её запечатления [божественной крещальной] печатью (*suscepta fide atque*

ему языческая вера [в качестве наказания]».

Таким образом, Тертуллиан показывает, что при любых обстоятельствах и для любого христианина самое главное — сохранить полную верность Богу и Его заповедям. Гипотетически — и даже практически — можно оставаться воином или участвовать в культурной, социальной и политической жизни империи, однако никогда не следует идти на компромисс с совестью и верой. Отречение от Христа — вот единственный и самый страшный грех. Поэтому всегда следует помнить, что «существует необходимость (*necessitas*) ещё более могущественная, чем [кажущееся неизбежным] намерение избежать страданий и исполнить долг, — необходимость страшиться отречения».

Что же касается теоретической приемлемости службы в армии, то последнее прямое утверждение Тертуллиана по этому поводу, сделанное в «Книге о венце» и приведённое

в начале этого раздела как бы позволяет христианам заниматься военным делом «пока не дойдёт до необходимости ношения венка (*usque ad causam coronae*)». Т.е. воином быть можно, если при этом не нарушаются Божьи заповеди и не происходит участия в идолопоклонстве. Однако остаётся открытым вопрос о том, осуществимо ли это на практике. И, более того, сам Тертуллиан явно считает, что самое лучшее для христианина — это не быть воином. Он говорит о том, что военное дело до определённой степени *позволительно (licere)*, но не говорит, что оно является *наилучшим выбором*. «Разрешено» не значит «рекомендуется» или «поощряется». Напротив, все мысли указывают в одном направлении, которое можно выразить следующим образом: «Христианин, как верующий, уже принадлежит войску Христа, а вступив в войско императора, он, таким образом, дезертирует оттуда. Христианин не должен вступать в армию, а крестившийся солдат не может там оставаться».^[19]

КРИТИКА И ОЦЕНКА ВЗГЛЯДОВ ТЕРТУЛЛИАНА

■ Очевидно, что Тертуллиан писал для своей эпохи и исходя из своих взглядов. На момент создания произведения «О венце воина» он уже был в той или иной степени монтанистом. И ужесточение его этических взглядов в сторону ригоризма явно видно в этом труде. Он критикует христиан, не принимающих «новое пророчество», критикует пасторов немонта-

нистских церквей, критикует несогласных с его взглядом христиан, критикует тех, кто придерживается нейтральных позиций в вопросе венков — словом, максимально критично подходит ко всем позициям, не совпадающим с его собственной. И всё это делается с целью помочь христианам «уразуметь и осудить выдумки дьявола, которые принимают вид Божьих [творений] для того, чтобы привести нас в замешательство, сбив [с пути] нашей веры».

Цель эта благородна и многие наблюдения, идеи и поучения африканского богослова III века действительно ценны, обоснованы и применимы. Однако также налицо его некоторая крайность во взглядах или порой излишнее использование риторических приёмов. Впрочем, не нам судить стиль и подход человека иной эпохи. Что же касается его взглядов на венки, идолопоклонство и военное дело, их всё же стоит кратко оценить.

В частности, касательно последнего вопроса следует сделать несколько выводов. С фактической стороны Тертуллиан, как и другие христианские мыслители древности — Василий Великий, Афанасий и другие, демонстрирует «присутствие среди христиан крайне негативного отношения к военному образу жизни, с одной стороны, так же как достаточно авторитетное мнение о неизбежности милитаризма, а посему необходимости икономии и миссионерского подхода, с другой».^[20] Он рассматривает вопрос совместимости христианства с военным делом с разных сторон и приходит к выводу, что лучше всего

и раннехристианским пацифизмом, http://www.k-istine.ru/patriotism/patriotism_perovskii.htm (дата доступа 1.12.2014).

^[19] Там же, 427.

^[20] Игорь Перовский, *Отлучить или прославить? Отношение к воинской службе в ранней церкви. Между миссионерским милитаризмом*

христианам не быть солдатами и не участвовать в вооружённых конфликтах. Однако при этом он высказывается о возможности продолжения христианином военной карьеры при соблюдении двух условий: (а) если таковая была начата до принятия христианской веры, и (б) если во время несения своей службы не будет нарушена первая заповедь — т.е. не произойдёт ни прямого, ни косвенно-

Тертуллиан показывает, что при любых обстоятельствах и для каждого христианина самое главное — сохранить полную верность Богу и Его заповедям. Отречение от Христа — вот самый страшный грех.

го отречения от истины Евангелия в пользу какого-либо идолопоклонства. Именно опасность нарушения первой и самой главной заповеди кажется Тертуллиану ключевой проблемой. «Тертуллиана больше беспокоит необходимость для воина участвовать в языческом культе, чем возможность убить врага в бою».^[21] И в этом смысле он действительно оказывается сторонником «пацифизма, опирающегося на непацифистские аргументы».^[22]

Впрочем, в арсенале африканского юриста, ритора и богослова имеется и полностью пацифистский аргумент,

на который он не *опирается*, — его основная аргументация в «О венце» строится именно на антиязыческих и сугубо богословских доводах, — но который всё же *приводит*. Его суть в том, что профессия воина неразрывно связана с рядом вещей, противных для христиан — конкретно, с насилием, нанесением увечий или даже убийством, пусть это и происходит не по желанию человека, а по приказу командира. Насилие само по себе — независимо от того, связано оно с военным делом или нет — по убеждению Тертуллиана чуждо для христиан, и поэтому оно должно быть отвергнуто в любой форме.^[23] Соответственно, *быть воином, т.е. по определению человеком сражающимся и применяющим силу против других людей, для христианина неприемлемо*. Это окончательная и неизменная позиция рассматриваемого нами древнего автора,^[24] благодаря которой «у нас нет оснований считать Тертуллиана выразителем идеи релятивистского, искусственного пацифизма: осуждая участие христианина в войне, он осуждает и саму войну».^[25]

Однако нельзя забывать, что его точка зрения во многом обусловлена его личными воззрениями и контекстом, в котором он жил. Это было эпоха, когда государство никаким образом не признавало христианскую религию и гнало её исповедников, когда не существовало обязательной воинской повинности (римская армия состояла

^[21] Пантелеев, «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана», 425.

^[22] А. Карташев, *Отношение христиан первых трех веков (до Константина Великого) к военной службе* (Рязань, 1906), 34–35; упоминание и отсылка даны в Бородин, «Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики».

^[23] *Тертуллиан о непротивлении злу насилием*;

Бородин, «Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики».

^[24] Dunn, *Tertullian*, 31; Мейендорф, *Введение в святоотеческое богословие*, 58; Перовский, *Отлучить или прославить?*; Г. Гололоб, *Ищи мира и стремись к нему!*, <http://rusbaptist.stunda.org/pacif.htm> (дата доступа 15.10.2014).

^[25] Бородин, «Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики».

из профессионалов и наёмников, которые шли в солдаты добровольно), когда жизнь воина была неразрывно связано с языческими культами и рядом полу- и псевдорелигиозных традиций, практик и культов. И при этом с самых первых дней христианства было немало военных, которые так или иначе желали принять Христа, о чём повествует и Книга Деяний. И из трудов отцов церкви мы знаем, что во времена Тертуллиана, «к концу II века существовало определенное число христиан-военных; не стоит преувеличивать их количество, но то, что они существовали — несомненно».^[26] И мнение африканского мыслителя по поводу этих христиан и их образа жизни несколько двояко.

С одной стороны он действительно «высказывает прямое осуждение участие христианина в войне», как подытоживает его слова Г. Гололоб,^[27] и говорит о «несовместимости военной службы и христианства» (англ. *the incompatibility of military service and Christianity*), как это суммирует Дж. Данн.^[28] С другой же стороны он говорит о какой-то — непонятно, насколько осуществимой и насколько этически и богословски приемлемой в его глазах — возможности продолжать карьеру воина. Ведь он действительно проводит чёткое разграничение между *добровольным вступлением* крещёного христианина в ряды армии и в некотором смысле обязательным *продолжением* несения воинской повинности воином, который стал христианином уже после принесения присяги. Первое говорит о желании человека, а

второе — о необходимости соблюдения своего обещания. Даже сами библейские примеры, которые приводит Тертуллиан — истории римских воинов, которым даёт наставление Иоанн Креститель, сотников, пришедших к Иисусу, и, наконец, Корнилия — наталкивают на мысль о том, что продолжение ранее начатой воинской карьеры для христианина допустимо. Вот как тонко комментирует аргументы Тертуллиана известный реформатский теолог и юрист XVII в. Гуго Гроций:

...В книге «О венце воина», возражив несколько против воинства, он тотчас же проводит различие между теми, кто сражался в рядах воинства до крещения, и теми, кто после крещения вступает в воинское звание... Стало быть, такие лица оставались в рядах воинства, а они отнюдь не стали бы поступать таким образом, если бы им было ясно, что воинское звание воспрещено им Христом в той же мере, как не дозволено бывшему гаруспику, магу и иным наставникам запрещенных искусств продолжать заниматься своим искусством после принятия крещения.^[29]

Однако эта тема остаётся не вполне раскрытой. Вернее, «воинствующий пацифизм» Тертуллиана, как его назвал И. Перовский,^[30] не воспринимает её всерьёз, и в этом кроется проблема. Ведь хотя критика насилия и язычества, с которыми была связана жизнедеятельность римской армии, полностью оправдана и обоснована, вопрос о возможности службы в армии как таковой, с различными воз-

^[26] Пантелеев, «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана», 428.

^[27] Гололоб, *Ищи мира и стремись к нему!*

^[28] Dunn, *Tertullian*, 31.

^[29] Гуго Гроций, *О праве войны и мира: Иссле-*

дование согласного мнения древнехристианских учителей по настоящему вопросу, http://www.kursach.com/biblio/0001002/102_3.htm (дата доступа 15.10.2014).

можными нюансами и аспектами^[31] — не находит ёмкого и полноценного ответа в творчестве древнего апологета в целом и в исследуемой нами книге в частности. И здесь можно привести глубокую мысль православного исследователя трудов отцов церкви И. Мейендорфа:

Тертуллиан рассматривает вопрос совместимости христианства с военным делом с разных сторон и приходит к выводу, что лучше всего христианам не быть солдатами и не участвовать в вооружённых конфликтах. Однако при этом он высказывается о возможности продолжения христианином военной карьеры при соблюдении некоторых условий.

В связи с этим следует заметить, что чёткого учения по поводу службы в армии в Новом Завете мы не находим. История Церкви знает святых, которые были военными, хотя, с другой стороны, некоторые святые были канонизированы за непротивление насилию (свв. Борис и Глеб). Христос никогда не проповедовал дезертирство. И в эпизодах новозаветных книг мы встречаем римских военачальников, отличавшихся верой и благочестивым образом жизни (сотник Корнилий).

Все учения о непротавлении насилию, будучи доведены до логического конца, обращаются лицемерием по причине лицемерного устройства общества. Невозможно рассматривать одну общественную проблему в отрыве от других: так, если человек не хочет никоим обра-

зом принимать участие в военном насилии, то он должен также отказаться и от уплаты налогов, и от участия в выборах. Единственной альтернативой общественному существованию может быть монашество, проповедующее полный уход из общества.^[32]

Таким образом, моральный посыл книги «О венце воина» является несколько однобоким, хотя и хорошим по своей сути.

В целом, вся этика Тертуллиана — особенно в поздний период его жизни — склонна к максимализму и эксклюзивизму. В этом плане показателен его постулат: «то, что не полностью разрешено, запрещено», от которого он отталкивается в своём анализе позволительности-непозволительности ношения венков с точки зрения Писания и здравого смысла. Совершенно точно можно сказать, что этот принцип чрезмерен и однобок. По крайней мере, он точно ничем не лучше противоположного ему: «то, что не запрещено, полностью разрешено». Это две крайние точки зрения, которые не оставляют места для свободы и пытаются всё подогнать под некий «закон».

^[30] Перовский, *Отлучить или прославить?*

^[31] Например, известно, что тогда, как и сейчас, существовали «солдаты, которые хоть и готовились к сражениям, но никогда в них не участвовали, а занимались сельским хозяйством, починкой или строительством дорог и другими видами гражданских

работ». R. MacMullen, *Soldier and Civilian*, 1-48, 157; приводится в Пантелеев, «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана», 425.

^[32] Мейендорф, *Введение в святоотеческое богословие*, 57-58.

Однако на самом деле правильное сказать, что *то, что не полностью запрещено, не полностью и разрешено*, и наоборот: *то, что не полностью разрешено, не полностью и запрещено*. То есть, существуют вещи, которые в любом случае требуют вдумчивого подхода, а их простой запрет или полное разрешение не решат проблем. Например, (не)использование современной христианской музыки на богослужениях или (не)допустимость активного участия христиан в политических процессах — вопросы такого рода. На них нет одного и чёткого ответа, поэтому каждый человек должен принимать решение за себя, по совести и после здравого размышления и молитвы. Христианин должен быть человеком, умеющим принимать решения с Богом и перед Богом, даже когда нет чётких «инструкций» и недвусмысленных правил. Такова цена христианской свободы и величие христианской духовности.

Тем не менее, Тертуллианов конструктивный и однозначно верный призыв *всеми способами, всегда и во всех обстоятельствах хранить верность только одному Богу, только одной*

Список литературы
(использованной для перевода и подготовки вступительной статьи)

Тексты:

Tertullianus, Quintus Septimius Florens. *De corona*. In Vol. 2 of *Patrologia Latina*, edited by Jacques Paul Migne (MPL, 1844), 73–102B. http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0160-0220__Tertullianus__De_Corona__MLT.pdf.html (accessed 07.10.2014).
 Tertullianus. *Liber de corona militis*. Edited by Jacques Fontaine (1966). <http://www.thelatinlibrary.com/tertullian/tertullian.corona.shtml> (accessed 07.10.2014); http://www.tertullian.org/latin/de_corona.htm (accessed 19.11.2014).

истинной церкви Христа и только одному христианскому вероучению остаётся актуальным и обязательным к исполнению и теперь. Эпохи и идолы меняются, а возможность впасть в идолопоклонство и отречься от Господа остаётся. Поэтому и важно всегда задумываться о том, что перед нами: венки как предмет одежды, или как часть какого-то культа? карьера солдата либо менеджера, или участие в культе агрессии либо культе денег? упражнение в саморазвитии, или процесс самолюбования и «себепоклонничества»? Наш Господь ждёт от нас исключительной преданности и верного служения только Ему.

Никоим образом христианин не меняет своей сущности. Одно Евангелие и один и тот же Иисус, Который отречётся от всякого, кто отречётся [от Него], и Который исповедает всякого, кто исповедует Бога, и Который спасёт душу, отданную за Его имя; и напротив, Он погубит ту [душу], которая была сохранена ради выгоды, но [выступала] против Его имени. Для Него воин настолько является верным мирным жителем, насколько мирный житель является верным воином.

Tertullian. *The Chaplet, or De Corona*. In *Latin Christianity: Its Founder, Tertullian*. Vol. 3 of *The Ante-Nicene Fathers: Translations of the Writings of the Fathers down to A.D. 325*, edited by Alexander Roberts and James Donaldson, 93–103. Edinburgh: T&T Clark, n.d.; reprinted (“*American Reprint of the Edinburgh Edition*”) Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans, 1989.
 Tertullien, pere de l’église. *De la Couronne du Soldat*. Edité par M. Charpentier, Paris (1844). <http://www.tertullian.org/french/>

delacouronne.htm (accessed 11.11.2014);
http://jesusmarie.free.fr/tertullien_de_la_couronne_du_soldat.htm (accessed 11.11.2014).
 Tertullien. De la couronne du soldat. Traduit par E.-A. de Genoude (1852). http://www.tertullian.org/french/g2_04_de_corona_militis.htm (accessed 11.11.2014).

Словари:

Дворецкий, И.Х. *Латинско-русский словарь*. М.: Русский язык-Медиа, 2005. Доступно через Электронный словарь «АВВУУ® Lingvo 12», © АВВУУ Software, 2006.
 Simpson, D.P., compiler. *Cassell's New Compact Latin Dictionary (Latin-English, English-Latin)*. New York, NY: Laurel / Dell, 1973.

Дополнительная литература:

Бородин, Олег. «Отношение к войне и миру в христианстве эпохи ранней патристики (формирование христианского пацифизма)». В *Византийские очерки*. Москва: Индрик, 1996. Доступно на <http://krotov.info/history/04/alymov/borodin.htm> (дата доступа 01.11.2014).
 Гололоб, Геннадий. *Ищи мира и стремись к нему!* <http://rusbaptist.stunda.org/pacif.htm> (дата доступа 15.10.2014).
 Гололоб, Геннадий. *Ранняя Церковь о непротивлении злу насилем*. <http://christianpacifism.org/2014/08/04/early-church-and-nonresistance/> (дата доступа 1.12.2014).
 Гуго Гроций. *О праве войны и мира: Исследова-*

ние согласного мнения древнехристианских учителей по настоящему вопросу. Опровержение противоположного мнения некоторых частных лиц, имеющего скорее характер совета, чем предписания. http://www.kursach.com/biblio/0001002/102_3.htm (дата доступа 15.10.2014).

Мейендорф, Иоанн, прот. *Введение в святоотеческое богословие. Конспекты лекций*. М., 1992; репринт: Мн.: Лучи Софии, 2001.
 Пантелеев А.Д. «Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана». В *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Выпуск 3*, под редакцией профессора Э.Д. Фролова: 413-428. СПб, 2004, <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon/2004/pant.htm> (дата доступа 1.12.2014). Также доступно как: *Христиане и римская армия (II-III вв.)*. <http://www.xlegio.ru/culturology/christians-and-the-roman-army-ad2-3/> (дата доступа 15.10.2014).
 Перовский, Игорь. *Отлучить или прославить? Отношение к воинской службе в ранней церкви. Между миссионерским милитаризмом и раннехристианским пацифизмом*. http://www.k-istine.ru/patriotism/patriotism_pеровskii.htm (дата доступа 1.12.2014).
 Попов, Иоанн, мученик. *Патрология. Конспект лекций*. Тверь: Булат, 2006.
 Dunn, Geoffrey D. *Tertullian*. London / New York: Routledge, 2004.
 Pearse, Roger. *De corona militis (On the military garland)*. The Tertullian Project, http://www.tertullian.org/works/de_corona.htm (accessed 19.11.2014).